

Пролог

Раевской Юлии –
талантливый человек талантлив во всем!

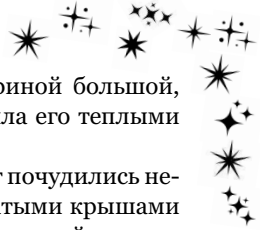
*Все герои и события вымышлены,
совпадения – чистой воды случайность.*

*Мы встретимся, когда придет время.
Твоя судьба, с самыми сердечными пожеланиями*

Ярослав сидел около большого, во всю стену, окна кафе, непривычно закинув ногу на ногу, и нервно постукивал тонкими пальцами по столу. Перед ним стояла уже вторая чашечка эспрессо — столь не любимого раньше, но едва ли не боготворимого сейчас. Уже с утра организм требовал крепкого кофе, и Яру, скрепя сердце, приходилось соглашаться. Раньше он редко пил кофе, а если и пил, то предпочитал латте. Или, на худой конец, американо.

«Лучше бы я курил, вместо того чтобы эту муть глотать», — злобно подумал он про себя, с неудовольствием посматривая на оживленную улицу. Сквозь прорези серого глянцевого неба проглядывало солнце. Оно золотило тротуары, крыши домов и еще больше оттеняло желто-багровое убранство аккуратно подстриженных деревьев.

Погода для октября стояла на удивление спокойная и умиротворенно-теплая. Ни ветра, ни дождей, ни холодов — осень,

казалось, застыла, огородила стеклянной витриной большой, раскинувшийся на берегу реки город, раскрасила его теплыми винтажными красками. Сделала сказочным.

Вместо современных зданий Ярославу вдруг почудились высокие дома с симпатичными фасадами, покатыми крышами и яркими ставнями окон, а за домами — королевский дворец. Здесь по узким дорогам ездили кэбы и неспешно прогуливались горожане: дамы в элегантных нарядах со шляпками, а джентльмены — в котелках и непременно в перчатках и с тростями. В воздухе летали дирижабли. А у берега (вместо реки тут море, конечно же) высился гордый пароход...

Волшебный город так живо представился Ярославу, что ему вдруг даже захотелось нарисовать его, и пальцы механически попытались нащарить карандаш. Подобного наката вдохновения давно с ним не случалось, почти два года: с тех пор, как пропала Полина, пропало и желание рисовать.

Однако стоило Ярославу вспомнить слово «волшебный», как внезапный порыв вдохновения пропал. И сразу же прелесть двух городов — реального и сказочного — была забыта. А в груди вновь поселились чувства глухого раздражения и тщательно скрываемого страха.

Этого не может быть. Такого не бывает. Такое не должно происходить с людьми!

Но с ним произошло.

Кофе горчил на губах. Захотелось закурить — раньше он часто курил, когда нервничал. Но сейчас этого сделать не мог.

Ярослав Зарецкий считал себя реалистом и с детства не верил в чудеса, магию и потусторонние явления. Однако не так давно сам столкнулся с этим — лицом к лицу. Он попал в капкан волшебства. Волшебства темного, злого, грозящего бедами. Рокового.

Сначала он по привычке винил ее — Настю Мельникову, аспирантку с филологического, которая преподавала на их курсе литературу. Потом — озерную ведьму, которую они волею судьбы повстречали. И даже немного — себя. А теперь винить было некого. Если только...

Ярослав с какой-то странной усмешкой покрутил на безымянном пальце серебряное простое кольцо. Он не хотел волшебства и чудес — а то, что с ними произошло, можно было назвать именно так. Он хотел прежнюю — *нормальную* — жизнь. *Свою* жизнь. Он хотел учиться, развлекаться с друзьями, ходить на свидания, хоть каждое из них не заканчивалось ничем серьезным, прокачивать любимого перса в онлайн-игре и гонять в рейды.

На какое-то мгновение Ярослав задумался — а если бы он не встретил Настю? Ничего бы не произошло? Или то, что случилось, произошло бы между ним и какой-нибудь другой девушкой?

Вдруг вспомнились Настины поцелуи — обжигающие, горячие, многообещающие... Она не была нежной и надломленной барышней с романтическими порывами, выпрашивающей ласку. Она привыкла брать и целовала требовательно и...

Ярослав запретил себе думать об этом и раздраженно отбросил назад волосы. Как же дико они мешались! Обстричь — да никак. Что сделает потом Настя, и думать не хочется.

Он намотал на палец пшенично-русую прядку, скептически оглядел ее и вздохнул. Надо же, это *его* волосы. И эта рука с тонким запястьем и выпирающей косточкой, и пальцы с аккуратно подстриженными овальными ногтями — все это тоже *его*.

Рука бессильно рухнула на стол.

Яр замер, окутанный облаком собственных тревожных мыслей. Спустя минуту его взгляд скользнул на экран мобильного телефона. Насти все никак не было. А ведь обещала уже приехать к этому времени. Не то чтобы в крови Яра текла точность королей, но он терпеть не мог ждать, а потому вновь начал злиться. Порою Настя вообще выводила его из себя. Своим поведением, словами, даже жестами — скупыми, тщательно обдуманнными, как и почти все ее действия. Она была упрямая и наглая, мстительная. С острым язычком и холодным взглядом. Кроме того, имела лидерские качества, умела давить на нужных людей и легко находила болевые точки. Да, она была симпатичной, по своему даже красивой, умной, начитанной, но стоило Мельниковой открыть рот, как они начинали спорить или ругаться. Да и чувство юмора у нее было своеобразное. Неужели то, что произошло, — это навсегда? Или надежда на спасение все-таки есть? Иначе ему придется всю свою жизнь провести рядом с мисс Я-все-на-свете-знаю-и-лучше-всех?

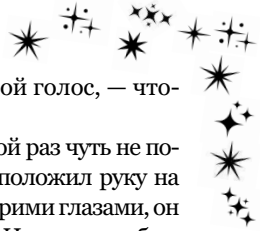
Он вдруг вспомнил, как она улыбается, и как поправляет волосы, и как блестят в ее глазах фонари... Ярослав спешно сделал несколько больших глотков остывающего эспresso. Не нужно об этом думать. И вдруг поймал на себе взгляд парня за соседним столиком. Ухоженный брюнет в стильной рубашке и подвернутых джинсах с интересом смотрел на него, а заметив, что Яр поймал его взгляд, улыбнулся.

Зарецкий едва не подавился кофе. Его передернуло. И, видимо, на лице отразилось такое отвращение, что брюнет непонимающе изогнул бровь.

Яр скривился, отвернулся и залпом допил горький кофе.

Да где эта дура ходит?! Почему он должен страдать?!

— Простите, — раздался рядом с ним мужской голос, — что-то не так?

Ярослав поднял недовольный взгляд и во второй раз чуть не подавился — улыбочивый брюнет подошел к нему и положил руку на столик. Несколько вальяжный, с прищуренными карими глазами, он производил впечатление человека самоуверенного. И взгляд его был холоден и достаточно жесток, однако Яр знал, что именно на обладателей таких взглядов часто ведутся девчонки. И страдают потом.

— Честно говоря, вы мне симпатичны, и я хотел с вами познакомиться, — продолжал молодой человек. — Но вы состроили такую рожицу, что...

Яр мрачно взирал на него, сложив руки на коленях.

Таких слащавых придурков он терпеть не мог.

— ...я подумал, будто чем-то обидел вас, — продолжал брюнет бархатным голосом. — Вы очаровательны. И я...

— Отвали от меня, — перебил его Зарецкий. Внутри у него все полыхало от возмущения.

— Что, простите? — не поняли его.

— Что-что... Отвяжись, чувак, — отозвался Ярослав и засунул в рот лимонную жевательную резинку. Как же его все это раздражало!

— Чувак? — поднял бровь брюнет.

Зарецкий глянул на него, как на омерзительного таракана с парой лишних усов.

— Будь добр, от-ва-ли. Окей?

— Ну и манеры, — ухмыльнулся молодой человек, кладя руку на спинку стула, на котором сидел Ярослав. — Такая привлекательная внешность, а вот вести себя ты явно не умеешь... Хочешь, я научу тебя хорошему поведению? — вдруг наклонившись к самому уху, спросил он насмешливо.

У Зарецкого напрягся каждый мускул. И он машинально поправил вырез пуловера — слишком уж глубокий, на его взгляд. Но что поделать, если Настя оставила ему эту одежду?

— Исчезни, — поднял тяжелый взгляд Яр.

— А то что? — рассмеялся брюнет. Кажется, такое поведение его только еще больше завлекало.

— По рылу схлопочешь, — деловито сообщил Ярослав, вставая. Однако тотчас вспомнил, что он не в том положении, и мысленно обругал и себя, и этого любвеобильного придурка, и, конечно же, Мельникову.

— Даже так? — мелькнул смех в глазах брюнета. — Занимаешься спортом?

— Бывает, — привычно ухмыльнулся Ярослав, расправляя плечи.

Этот жест несколько удивил брюнета, но отступить он не собирался, напротив, изловчился и провел пальцами по нежной коже лица. Глаза Ярослава едва ли не налились кровью.

— Р-р-руки, — предупредил он.

— Ударить меня? — кажется, это прозвучало со смехом.

— А почему бы и нет? — прошипел оскорбленный Зарецкий. — Твоя харя просит хорошего кирпича, детка.

— Несмотря на то, что у тебя нет манер, ты мне нравишься, — заявил брюнет и кинул на стол несколько крупных купюр. — Я заплачу за тебя, и идем гулять. Я, знаешь ли, привык получать желаемое.

Зарецкий побледнел от злости. Его гордость, напротив, горела красным пламенем. Карие глаза с усмешечкой смотрели на Яра. Их обладатель прекрасно знал, что унизил человека, посмевшего ему перечить.

— Да пошел ты, — вдруг на удивление спокойно произнес Ярослав, вспоминая, что можно сделать в подобной ситуации, кроме как ударить. В голову пришел сериал, который с упоением смотрела мама. Решение пришло мгновенно. Парень протянул руку к стакану с водой, которую принесли вместе с эспрессо.

— Обольешь? — иронично спросил брюнет.

Ярослав, не сводя с него глаз, сделал приличный глоток и покачал головой. А после со всей дури выплюнул воду на обидчика, сделав вид, что закашлялся.

— Ой, простите, — пропел он, мерзко улыбаясь. — Вода не в то горло попала.

Все лицо брюнета с прищуренными темными глазами было мокрым, а на модной рубашке красовались потеки.

— Да я же тебя сейчас... — медленно выговаривая каждое слово, произнес он угрожающе. Но договорить не успел.

— Что тут происходит? — раздался до боли знакомый голос, в котором сейчас звенели нотки металла.

Ярослав обернулся и увидел Настю. И даже вздохнул с облегчением. Правда, тут же сжал зубы. Эта чудесная девушка напялила невесть откуда взявшуюся футболку с принтом в виде енота.

Анастасия между тем уверенно встала между ними: как обычно смелая, волевая и жаждущая справедливости. С гордо приподнятым подбородком и совершенно холодным, отстраненным выражением лица.

Брюнет сделал шаг назад, резким движением стянул со стола салфетки и глянул на Настю оценивающе.

— Что нужно? — спросил он уже не особо приятным голосом, в котором слышалась агрессия.

— А вам что, смею спросить? — ничуть не испугалась Настя, глядя мятно-зелеными с темной каемочкой вокруг радужек глазами на незнакомца.

Роста они были одинакового. Комплекции, естественно, разной. Кажется, бесцеремонный брюнет слишком много времени проводил в качалке.

«Смотрит как змеюка», — подумал про себя Ярослав, ловя себя на мысли, что восхищается этой наглой девицей. Нет, правда, наглости ей не занимать, как и пронырливости.

— Я первый задал вопрос, — неприязнь в глазах брюнета росла в геометрической прогрессии.

— И что с того? — пожала плечами Настя, которой было все равно, кто и как на нее смотрит. — И если уж мы придерживаемся этой логики разговора, то мой вопрос был первым.

— А ты правда хочешь его задать?

— А ты правда не хочешь мне ответить?

Взгляды их скрестились как шпаги. Ситуация становилась совсем уж неприятной. Яр скорчил недовольную рожу и потянул подругу за руку. Как-никак чувствовал за нее ответственность. Правда, сейчас из него защитник аховый, однако если нужно будет...

Зарецкий попытался загородить спиной Настю, но та легко его оттолкнула. Яр тотчас совсем не по-рыцарски затаил на нее злобу. Он ее тут защитить пытается, а она!..

— Иди куда шел, приятель, — в это время сказал с неприятной улыбочкой брюнет. — И не лезь в чужие дела.

— Это моя девушка, — сказала Настя все тем же ледяным голосом. — Притяжательное местоимение «моя» предполагает, что ее дела — мне не чужие. Еще вопросы есть?

Яр чуть не засмеялся. Да что же за абсурд! Он — ее девушка! Но еще абсурднее, что он — в ее теле.

А она — в его.

— О, вот как. Твоя девушка оскорбила меня и облила, — сказал зло брюнет, намекая, что кому-то нужно ответить за это.

— Я нечаянно. Подавилась, кха-кха, — дурным голосом заявил Ярослав под пристальным взглядом Насти.

— Можешь облить ее в ответ, — сказала девушка. — Око за око. Шучу, — все с той же интонацией добавила она. — Мы вызовем полицию.

— Что? — не понял брюнет, явно решив, что эти двое — с приветом.

— Опять шучу, — вновь произнесла Анастасия и взяла Ярослава за руку — осторожно, словно боялась сильно сжать. Другой рукой она забрала лежащие без дела на столике купюры, подумав, будто они — Яровы. — Нам пора. До свидания. Кстати, у вас крошки на губе. Быстро пошли отсюда, — прошептала она Зарецкому и потащила за собой к выходу, пока изумленный брюнет безуспешно искал крошки. — Пока он не захотел поговорить со мной «по-мужски»

— Но погоди, — вырывался тот, — ты же деньги взяла! Надо отдать! Давай вернемся!

— Я тебе вернусь! Мне с таким амбалом не справиться, Зло-радский.

— Хватит коверкать мою фамилию!

— Хватить вести себя как ребенок!

— Но, блин...

Они спешно вышли из кафе на окутанную осенней дымкой улицу и быстрым шагом направились к светофору.

Солнце мазнуло по их лицам золотом.

— И почему ты сказала, что я — твоя девушка? — сварливо спросил Зарецкий, на всякий случай оглядываясь — брюнет не бросился в погоню.

— Потому, — была скупа на слова Настя.

— Ты могла бы сказать, что сестра!

— Может быть, мне тебя дочкой стоило назвать? — повысила голос девушка в теле парня. Ярослав Зарецкий был едва ли не тем единственным человеком, кто мог довести ее до белого каления всего лишь парой фраз. Талант, ничего не скажешь!

— Лучше бы вообще молчала.

— Лучше бы не плевался в людей.

Они остановились у пешеходного перехода. Стоящая рядом девушка оглядела Настю заинтересованным взглядом. Яр заметил это, схватил Настю под руку и довольно ухмыльнулся.

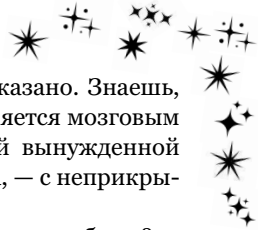
— Из меня вышел бы классный парень, да? — хмыкнула Настя, когда загорелся зеленый. Она тут же поймала удивленный взгляд той самой девушки и несколько смутилась.

— Конечно. О, этот легкий флер неприятностей, что ты несешь за собой, — проговорил Ярослав ангельским голосом.

— Я несущу? — переспросила Настя, сердито сдвинув брови и отцепляя Ярослава от себя. — А ничего, что это из-за тебя?

— А ничего, что ты забрала его деньги?

— Его? Я думала, твои, — отозвалась с недоумением девушка, широко шагая по зебре. Яр за ней с трудом поспеивал и еще больше злился из-за этого.

— А я говорил, что тебе думать противопоказано. Знаешь, когда люди работают в парах, кто-то из них является мозговым центром, а кто-то — исполнителем. В нашей вынужденной двойке я — голова, а ты грубая физическая сила, — с неприкрытым ехидством говорил Зарецкий, ускоряя шаг.

— Хватит нести чушь. Лучше объясни мне, что это было? — сердито спросила Настя, доставая из кармана ключи от машины. Ярослав чуть не взвыл — так хотелось ему сесть за руль своей малышки, но...

— Мерзотный тип пристал, не поняла, что ли? — огрызнулся он.

— Еще бы не пристал. Ты вырядился, как начавшая падать женщина.

— Куда падать? — не понял Яр.

— В бездну пошлости, — первой села в машину Настя. — Что за супервырез?

— Это ты лучше у себя спроси, — фыркнул раздраженно парень, спешно устраиваясь рядом на переднем сиденье. — Я сам офигел.

— Еще бы. Ведь этот вырез должен был быть на спине, — ласково потрепала его по волосам Мельникова.

— Чего?!

— Модель, знаешь ли, такая.

Яр в ужасе оглядел сиреневый пуловер с бантом, которому вместе с вырезом полагалось быть на спине, а не на груди.

И тут до него дошел весь ужас происходящего.

— Какой кошмар, — проговорил он.

— Вот именно, кошмар. Так опозорил меня, — рассерженно согласилась Настя, начавшая отъезжать со стоянки. — Хорошо еще, что никого из знакомых не встретил.

— Сама хороша! Что за футболка?!

— С енотиком. Ты ведь у меня тоже енотик.

Так, препираясь, они и уехали, не заметив, как тот самый брюнет смотрит на них из окна кафе. Кажется, он запомнил номер их машины и сам себе улыбнулся.

— Что за идиоты? — с чувством спросила зеленоглазая призрачная девочка-подросток в топике и в джинсах, сидящая на вывеске заведения. — Когда же они наконец поймут...

Существо ярко-фиолетового цвета — этакая смесь коалы, котенка и летучей мыши, развело лапки в сторону. Мол, тоже не знаю.

— С них спрос невелик, м-да... И у магов этих одно веселье... Достали. Только чувствую, что-то будет. Зуб даю!

Дарена вздохнула и умчалась вслед за Настей и Ярославом. За ними нужен был глаз да глаз.

2 месяца назад

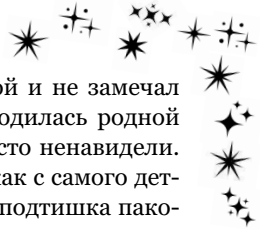
Я бодро шагала по дороге, огибая лужи, наслаждаясь ласковым августовским солнцем и слушая музыку. В качестве плеера я использовала собственный телефон: новенький, с большим экраном и синим аккуратным чехлом-книжкой. Музыка и воздух, напитавшийся свежестью после грозы, дарили хорошее расположение духа, как, впрочем, и карточка в кошельке, на которую недавно перевели приличную (разумеется, для меня) сумму денег. Любимый работодатель не пожалел для меня премиальных, и зарплата вышла довольно-таки неплохой.

Еще семь лет назад я не думала, что деньги будут радовать меня. Казалось, что счастье — совсем не в них. Счастье — в свободе. Я до сих пор была уверена в этом, однако наличие денег всегда становилось залогом хорошего настроения и чувства уверенности в завтрашнем дне. Возможно, кто-то сказал бы, что я меркантильна, но, честно говоря, чужое мнение волнует меня так же сильно, как торчащие из кустов мокрые ноги местного пьяницы, решившего прилечь в кустах парка, по которому я шагала.

Нет, я не меркантильна. Скорее расчетлива. Из-за того, что семь лет назад мне пришлось уйти из семьи, я поняла, что такое нужда. Поэтому я и научилась вести счет деньгам. Впрочем, называть семьей людей, с которыми я была вынуждена жить, язык не поворачивался.

Это была классическая семья Золушки, которая так и не поверила в сказку. И, не дожидаясь принца, покинула отчий дом.

Отец с самого детства был холоден со мной и не замечал меня. Мачеха, которой по документам я приходилась родной дочерью, терпеть меня не могла. А сестры просто ненавидели. Они редко обижали меня в открытую, потому как с самого детства я могла дать отпор в силу характера, но исподтишка пакостили и постоянно жаловались родителям.

Остальные родственники, коих в клане Реутовых было немало, не интересовались мной — знали, что я — подкидыш, дочь любовницы отца, которая ушла в мир иной, когда я только родилась. Исключение составляли моя няня и мой двоюродный брат Юрка, ведущий сейчас разгульную студенческую жизнь в Лос-Анджелесе.

Я бы тоже могла учиться в Лос-Анджелесе. Или в Лондоне. Или в Лиссабоне. Где захочу. Впрочем, какое-то время я и училась за границей, чему мачеха была безумно рада, но потом отец велел возвращаться назад. Какое-то время я училась в гимназии и нашла первую в жизни подругу — Дашу. А потом отец перевел меня в частную школу для детей очень и очень обеспеченных родителей.

Да, мой отец — очень богат. Этаким, как иронично говорила тетюшка Ирина, олигарх местного значения, привыкший, правда, скромно именовать себя бизнесменом. Ни отец, ни его родной брат не любили выставлять свои настоящие доходы на публику. «Это слишком нервирует людей», — говорил с усмешкой дядя Тимофей. «А еще больше — родственников. Из родственников получают самые страшные конкуренты», — добавлял отец, и они понимающе переглядывались, улыбаясь.

Однажды эту фразу услышала моя мачеха Рита и вдруг так посмотрела на меня, что я, на тот момент пятнадцатилетняя соплячка, поняла: я не только вечное напоминание об измене мужа, но и будущая соперница ее дочерей в борьбе за наследство отца. «Да пусть подавится! Мне ничего не нужно», — подумало тогда с возмущением мое светлое начало, и глаза мои гневно блеснули. Но вот темное вдруг криво улыбнулось.

Рита не умела читать по глазам — ей хватило улыбки. С тех пор мне казалось, что она возненавидела меня еще больше.

В выпускном классе прессинг со стороны семьи был такой силы, что мне казалось — я вот-вот сломаюсь. Мне всячески давали понять, что я — никто. Что я должна во всем им подчиняться и быть благодарна за то, что меня, подкидыша, вырастили да еще и потратили на мою персону много денег. Последней каплей стали слова отца, который после Нового года

вызвал меня к себе в кабинет и, забыв — или не захотев? — поздравить с праздником, сказал скупо: «Я нашел место, куда ты поступишь». И пододвинул двумя пальцами несколько брошюр с названием и изображением известного европейского высшего учебного заведения. Отец хотел, чтобы я изучала экономику. «Вернешься и сможешь работать на семью», — добавил он, давая понять, что аудиенция окончена.

Я молча взяла брошюрки и только в коридоре позволила себе скомкать их, трясясь от бессильной злобы. Я ненавидела, когда меня заставляли что-либо делать, но мне приходилось жить, играя по тем правилам, которые диктовали отец и мачеха. А ведь у меня была мечта. Настоящая мечта. Может быть, глупая, может быть, стоящая...

Мечта стать настоящим журналистом.

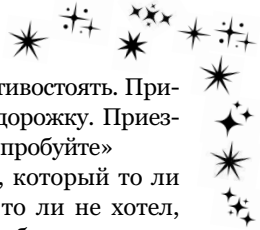
Не репортером, который гоняется за сенсациями, не папарацци, караулящим звезд сутками напролет и даже не известным ведущим новостей, который читает уже кем-то написанный текст по телесуфлеру.

Я мечтала быть *настоящим* журналистом. Тем, который докапывается до самой истины, не искажая факты и отбрасывая прочь шелуху. Тем, который сможет донести до читателей правду. Тем, который сможет помочь — не всему миру, но хоть кому-то.

Мои представления о журналистике были идеализированы, я тогда многого не понимала, не разбиралась во всей этой кухне, однако уже тогда «ориентирами» будущей карьеры считала Анну Политковскую и Инессу Дейберт, и их журналистские расследования. После разбора громкого дела в именной передаче последней я точно поняла, что хочу быть журналистом и точка.

И тогда я решилась. Вместо того чтобы поступить так, как велел отец, сбежала из дома после выпускных экзаменов. Честно говоря, мне повезло. Моя тетка — жена Тимофея, довольно экстравагантная женщина, поняв, что я хочу сбежать, предложила свою помощь. Она помогла мне сделать документы, и из Анастасии Алексеевны Реутовой я превратилась в Анастасию Владимировну Мельникову. Однако сделала она это не из благих побуждений, а, скорее, назло отцу.

С новыми документами я мечтала начать новую жизнь и поехала в Северную столицу, которая была мила моему сердцу уже много лет. Однако, несмотря на блестящие баллы за экзамены, я... не поступила. Уже потом, в последний день, меня, ошарашенную, взял под локоток невысокий, пожилой, с благородными залысинами дядечка из приемной комиссии, отвел в сторонку и сказал

загадочное: «Анастасия, мы были не в силах противостоять. Приказ сверху. Вы, должно быть, кому-то перешли дорожку. Приезжайте в следующем году. Или в родном городе попробуйте»

Да, я перешла дорожку собственному отцу, который то ли глумился надо мной, показывая свою власть, то ли не хотел, чтобы я жила так далеко от него. Как бы то ни было, я поступила в государственный университет родного города, но не на журфак, а на филологический, хотя так и не оставила свою мечту стать журналистом.

Именно тогда я и познала истинную ценность денег, которая заставила меня относиться к ним бережно и аккуратно. Стипендии отчаянно не хватало ни на что, учеба отнимала много времени, и устроиться на полный рабочий день я не могла, перебиваясь подработками. Наверное, мне пришлось бы совсем худо, если бы вдруг на карточку, с которой я снимала стипендию, не стали приходить деньги от неизвестного Длинного дядюшки... Сначала я боялась брать эти деньги, но затем, плюнув на гордость, сняла их — нужда оказалась сильнее гордости. Спустя некоторое время я узнала, что деньги присылала мне моя крестная — Матильда, подруга мамы. Мы познакомились. Она понемногу рассказывала о матери, помогала материально, но мы держали это в тайне ото всех. Матильда боялась, что отец, узнав об этом, не разрешит нам больше видеться.

Все, что было связано с моей мамой, отец ненавидел.

До встречи с крестной я даже не знала, как звали маму, как она выглядела и какой была. Матильда не только рассказала мне о матери, но и отвезла меня в другой город, на кладбище, на котором та нашла последнее пристанище, и я долго пробыла в том промозглом месте, среди молчаливых крестов, не чувствуя ледяного дыхания ветра, трепавшего прекрасные багряные бутоны роз, что я принесла с собой. После этой поездки я ужасно заболела и провела две недели дома — на квартире, которую снимала вместе со своим другом Даном. Наверное, кому-то покажется странным, что я жила вместе с парнем в одной квартире, и те, кто знают цену дружбе между мужчинами и женщинами, криво улыбнутся, но мы с Даниилом действительно были всего лишь друзьями. Дело в том, что ему нравились парни. Кроме того, Дан был прекрасным визажистом и парикмахером, который ради карьеры бросил учебу, обзавелся шикарной клиентурой и теперь получает куда больше денег, чем его однокурсники с факультета менеджмента. Мы до сих пор живем вместе — пятый год. Только теперь уже не в съемном жилье.

Да-да, случилось чудо, и я стала обладательницей своей собственной двухкомнатной квартиры!

Нет, я не получила ее от богатого отца, с которым, к слову, больше так и не виделась, и не взяла ипотеку. Я ее выиграла. В лотерею.

Серьезно. Я ее выиграла, случайно купив лотерейный билетик.

Сколько он стоил? Сто рублей? Кажется, так. Именно такой была цена квартиры, хозяйкой которой я стала.

Новый район, стройные ряды бело-оранжевых башен-высоток с огромными лоджиями и прекрасным видом на реку, благоустроенные дворы и камеры под козырьком каждого из подъездов — я и подумать не могла, что мне достанется такое счастье! А ведь на самом деле билетик я купила не совсем случайно. Тогда, холодной зимой, почти два года назад, в нашей с Даниилом съемной квартире каким-то невероятным образом появилась странная немая девушка, которой Дан дал одежду и вызвал такси. После к нам заявила ее тетка — богато одетая женщина в мехах. Она вела себя крайне экстравагантно, вручила мне свою визитку, заявив, что теперь она — моя должница, а после посоветовала мне купить лотерейный билетик, а Дану заявила, что тот выиграет в конкурсе визажистов.

Все случилось так, как она и сказала. Даня стал победителем, а я — хозяйкой квартиры. Правда, мебели у нас было не слишком много — я обживалась потихоньку, как позволяли средства, зато чувствовала себя уверенно, зная, что у меня есть свой дом и никто не выгонит меня на улицу.

Все постепенно налаживалось. Голодные, наполненные страхом бесконечные дни первого курса канули в небытие. И теперь я училась в аспирантуре — на этом настояла крестная, преподавала на младших курсах других специальностей литературу и писала диссертацию по немецкому романтизму. Не скажу, что это было мое любимое направление, однако я была отлично знакома с немецким языком, а потому без труда читала немецких авторов в оригинале и даже переводила. Журналистикой я, впрочем, тоже занималась — была внештатным пока еще сотрудником одной известной городской газеты, а также писала статьи для нескольких интернет-порталов и изредка делала переводы.

Единственное, с чем у меня были проблемы, так это с личной жизнью. Отношения ни с кем не складывались, и дальше пары свиданий дело не заходило. Одно время мне нравился